

УДК 81'42

КОНЦЕПТОЛОГИЯ ДИСКУРСА, ИЛИ ДИСКУРСОЛОГИЯ КОНЦЕПТА

Приходько А.Н.

Актуальность. Термин «концептология» принадлежит Ю.С. Степанову, который ввиду особой научной привлекательности изысканий в этой области предложил его для обозначения специального направления в рамках семиотики концептов [9, с. 603]. При этом и сам феномен «концепт», попадая в фокус когнитивно-дискурсивного понимания природы и функций языка, позволяет по-новому взглянуть на него не просто как на «схваченное» знаком понятия, а как на этно-социо-рацио-лингвокультурный феномен, конституирующийся на основе процессов категоризации и концептуализации мира.

Постановка проблемы. Более или менее приемлемой дефиниции феномена «концепт» современная научная мысль не выработала. Несмотря на то, что в философии он отождествляется с «понятием» на основе их идентичной ментальной природы, наиболее часто они рассматриваются как общее и частное. Здесь мы разделяем точку зрения А. Вежицкой [2, с. 18], понимающей под концептом определенный объект из мира «идеальное», имеющий имя и отображающий культурно обусловленное представление о мире «действительное».

Нетрудно заметить, что семантико-понятийная база концепта имеет во многом наднациональный, общекультурный и, вероятно, межконфессиональный характер. Стало быть, понятие становится только тогда концептом, когда оно валоризируется, т.е. обрывает национально-ценностными коннотациями. Примером таких этноспецифических концептов являются в украинской культуре ДОБРОБУТ, КОЗАК, КУМ, в британской – PRIVACY, GENTLEMAN, HOME, ISLAND, MONARCHY, в американской – AMERICAN DREAM, MONEY, MELTING POT, DEMOCRACY [1], в немецкой – ORDNUNG, ARBEIT, HAUSHALT, REISEN, BIER, во французской – INDÉPENDENCE, DÉMOCRATIE, COVERTURE SOCIALE, INTÉGRATION CULTURELLE и т.д. Вместе с тем, совершенно очевидно, что концептуальный корпус языка формируется не только ценностными ориентирами со знаком плюс, но и со знаком минус. К последним можно отнести в нашей картине мира такие «антиценностные» феномены, как ТОСКА, ДУРАК, ЧИНОВНИК, ПОДНОШЕНИЕ, ОБЫВАТЕЛЬ, КАЗЕННЫЙ и пр., в американской – INTERFERENCE, OPPRESS, SEXISM, VIOLATION, в немецкой – CHAOS, UNPÜNKTLICHKEIT, STRESS, AUSSIEDLER, во французской LA CITÉ, LA VIOLENCE, LE CHÖMAGE, LA FRACTURE SOCIALE и пр. Однозначно негативной в большинстве культур является НЕТЕРПИМОСТЬ. При этом следует иметь в виду, что один и тот же мультикультурный концепт может нести позитивный «заряд» в одном языке (рус. ИНОСТРАНЕЦ) и отрицательный – в другом (брит. – FOREIGNER, фр. LES ÉTRANGERS), как, впрочем, и быть концептуально незначимым в третьем (нем. AUSLÄNDER). Аналогичное касается и концепта ИНДИВИДУАЛИЗМ, позитивно маркированного в британской, американской, французской и немецкой языковых картинах мира, но негативно – в русской и неопределенно – в немецкой.

Неудивительно, что именно этноспецифически окрашенные понятия представляют наибольшие трудности при межкультурной трансляции. Так, перевод концепта НАЧАЛЬНИК на немецкий возможен тремя способами (Vorstand, Obrigkeit, Chef), ни один из которых не соответствует тому специфическому смыслу, с которым он ассоциируется в нашем языковом сознании. Аналогичное можно сказать и о концептах ПРАВДА, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РАЗДОЛЬЕ, УДАЛЬ, с трудом поддающихся перекодированию средствами иных языков. Нередко

концептуально дискретные подсистемы одного языка могут коррелировать с «неконцептуализированными» понятиями в другом. Так происходит, например, с идиосинкразическими парами ПРАВДА и ИСТИНА (англ. truth / нем. Wahrheit), СВОБОДА и ВОЛЯ (англ. freedom / нем. Freiheit), ДРУГ и ПРИЯТЕЛЬ (англ. friend / нем. Freund), представленными в этих языках синкретически. Более того, есть основания полагать, что некоторые лингвокультурные понятия могут вообще не иметь концептуальных соответствий в других лингвосистемах.

Относя к наиболее существенным родовым свойствам концепта такие параметры, как ментальность, этноспецифичность, эпистемичность, валоративность, нельзя обойти вниманием тот факт, что в целом концепты не являются однородными в плане своей организации, характера вызываемых ими образов, законов сочетаемости и способов комбинирования между собой. Не являются они гомогенными и в структурно-композиционном плане, а потому определенный научный интерес представляет проблема системного устройства концептуально значимых элементов лингвокультурной палитры языка.

Так, В.И. Карасик [4, с. 28] и В.А. Маслова [7, с. 152] пишут о «многомерности», С.А. Кошарная [5, с. 54] – об «объединениях» концептов, а М.В. Никигин [8, с. 266] – об их «системной организации». К структурной стороне концепта обращается и М. Шварц, различающая две ипостаси – концептотипы и идиоконцепты [11, с. 55]. Первые сохраняют категориальную информацию о классах объектов общечеловеческой значимости (концепт ВРЕМЯ ↔ категория времени). Теоретически список таких концептов является закрытым. Вторые репрезентуют образы типа СВЕТ и ТЬМА, ДОБРО и ЗЛО, ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ, ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, БЛАГО и ПОРОК, существующие в ментальном лексиконе человека. Список таких концептов открыт в том смысле, что постоянно пополняется новыми единицами в зависимости от теоретической позиции исследователя. С этих позиций определение точного круга национальных концептов – задача трудноразрешимая.

Концептотипы и идиоконцепты вместе взятые составляют ту организационную систему мыслей и знаний о мире, в которой отображается познавательный опыт человека и которая с легкой руки Д.С. Лихачева вошла в научный обиход под названием **концептосфера** [6]. Не сводя концептосферу (КСф) к какой-либо лингвальной сущности, он описывает ее как некоторую целостную совокупность психоментальных представлений этноса, незримым орисолом окружающих его язык. В этом смысле вполне приемлемо рассматривать КСф как совокупность концептотипов и идиоконцептов, существующих как в ноосфере, так и в языковой картине мира. В первом случае речь идет о концептуальном «обустройстве» жизненного мира человека в целом. Отражая единый для всех когнитивный процесс, концепты этого типа универсальны, поскольку являются результатом таксономизирующей, категоризирующей и концептуализирующей деятельности всего человечества. Во втором случае мы имеем дело с их этноспецифическими трансформациями в определенной этнокультурной среде.

Придерживаясь точки зрения о том, что КСф охватывает весь совокупный набор ментальных представлений народа об устройстве мира, отражаемых языковыми формами с четко выраженной этнокультурной маркировкой, нельзя не увидеть, что эта сфера достаточно гетерогенна по своей структуре. Она как бы состоит из отдельных концептуальных участков, о которых, очевидно, следует говорить в терминах **концептополя** (КП), представляющего собой «ментально и семиотически разработанную область этнокультурного пространства» [5, с. 54]. Концептополе есть некоторое интегрированное целое, существенные признаки которого формируются через взаимосвязи его частей. КП – система.

Как известно, системой принято считать такое интегрированное целое, чьи существенные свойства формируются через взаимосвязи частей. Системная организация любого объекта или явления предполагает выделение таксонов высшего и низшего порядка, которые существуют по принципу включенности одних в состав других, а точнее – вложенности. Относительно КП

КОНЦЕПТОЛОГИЯ ДИСКУРСА, ИЛИ ДИСКУРСОЛОГИЯ КОНЦЕПТА

в этом смысле можно говорить о таксонах «макроконцепт», «гиперконцепт», «собственно-концепт» и «гипоконцепт».

Макроконцептами следует признать те (базовые) концептотипы, которые репрезентируют общечеловеческие понятия. Есть основания полагать, что макроконцепты имеют наднациональный характер, в то время как другие его составляющие – гиперконцепты (таксоны нисходящих уровней абстракции) – отличаются определенной этнокультурной спецификой. *Гиперконцепты* являются ментальными феноменами меньшего объема, чем общекультурные, но большего, чем собственно концепты, и их система упорядочивается в соответствии с принципами противопоставления. Так, в рамках макроконцепта ПРОСТРАНСТВО можно говорить о таких гиперконцептах, как «место» и «направление», а ПРИЧИНЫ – о «причине», «следствии», «условии», «цели».

В свою очередь, гиперконцепты выступают родовым понятием относительно понятий видовых – концептов, реализация которых позволяет выделять *гипоконцепты* – мельчайшие и, вероятно, далее неделимые конститuentы КП. Так, в рамках гиперконцепта МЕСТО существуют концепты «вертикаль» / «горизонталь», «сзади» / «спереди», «право» / «лево», а НАПРАВЛЕНИЯ – «вверх» / «вниз», «вперед» / «назад», «влево» / «вправо». М.В. Никитин пишет, что концептов в «некотором континууме выделяется столько, сколько подразделений в нем существенны для человеческой практики, и они настолько дискретны, насколько существенна и отработана в опыте дискретизация соответствующего участка денотативной сферы» [8, с. 269].

Представленный взгляд на структуру КСф и составляющих ее КП был бы неполным без осознания того факта, что в лингвистических исследованиях оба они нередко отождествляется с понятием **концептосистема** (КС), что не удивительно ввиду во многом пересекающихся параметров их строительных кирпичиков – концептов. Последние, входя по определению в одно концептополе, способны вступать в системные связи с конститuentами другого поля и тем самым образовывать относительно устойчивые группировки, организующие определенные когнитивно-дискурсивные пространства.

Образование ситуативно устойчивых группировок концептов обуславливается причинами дискурсивного порядка. На наш взгляд, КС – это категория дискурса, текста, жанра и идиостиля, отражающая некоторую совокупность характерных именно для данного дискурса концептов и представляющая собою такой их набор, которому вольно или невольно отдается предпочтение в том или ином режиме общения. Вот почему о концептосфере дискурса говорить нецелесообразно – корректней говорить о его концептосистеме.

Исходя из наиболее общей типологии дискурсов, предполагающей их деление на персональный (говорящий – личность во всем богатстве / бедности своего внутреннего мира) и институциональный (говорящий – представитель определенного социального института) [4, с. 6], можно предположить наличие определенных концептуальных предпочтений в том и другом случаях. Так, в политическом дискурсе это будет один набор концептов, в рекламном – другой, а в криминальном – третий. С таким же успехом можно говорить о КС религиозного (ДУША, ЛЮБОВЬ, ГРЕХ), сказки (ВОЛШЕБСТВО, ФЕЯ, ЧУДО, ДОБРО, ЗЛО) или идиодискурсе человека.

Будучи дискурсивно и/или культурально заданными ценностными ориентирами этноса или индивидуума, концепты могут конституировать КС как отдельных, так и сразу нескольких дискурсов. Так, столь дорогие немецкому сердцу ORDNUNG и VEREIN входят в концептосистемы практически всех мыслимых и немыслимых дискурсов. Общедискурсивными макроконцептами являются уже упомянутые ВЕЩЬ, СОСТОЯНИЕ, ПРИЧИНА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ как такие, что отражают наднациональные ценности. Концепты ПРЕСТУПЛЕНИЕ /CRIME и НАКАЗАНИЕ / PUNISHMENT [3] конституируют с высокой долей вероятности КС криминального и юридического дискурсов, а ВОЛШЕБСТВО – очевидно, только сказочного. По всей видимости, идиоконцепт ДУША / SOUL / SEELE не входит в КС юридического и делового дискурсов.

Более того, концептосистемы одного и того же дискурса могут существенно различаться в разных языках. Так, в русскоязычном досуговом дискурсе непременно будут фигурировать концепты КОСТЕР, ШАШЛЫК, ГИТАРА, тогда как в немецкоязычном с высокой долей вероятности – NATURGENIEßEN, FAHRRAD, GRILL. Задавая фактуру дискурсивного целого, концептосистемы суть довольно неустойчивые, диссипативные комплексы, констелляции которых характеризуются изменчивостью и непостоянством, поскольку концепты имеют тенденцию к миграциям из одной коммуникативной среды в другую, а когнитивно-логические связи между ними сменяют друг друга, перекрываются и объединяются. Именно набор устанавливаемых связей между компонентами КС и определяет ее принадлежность к определенному дискурсивному классу / типу.

Будучи пропущен через аксиологию этноса, концепт актуализируется в дискурсе – стиле, режиме и среде общения. Так, можно утверждать, что важнейшие ценности восточнославянской культуры ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ, ВСЕПРОЩЕНИЕ мы исповедуем в любом режиме общения. Нередко это общение может быть концептуализированным в виде разговора по душам, плача Ярославны, кухонных посиделок или просто по принципу «Моя хата с краю...». Понятно, что в каждом лингвокультурном медиуме может быть свой доминантный дискурс, но в целом коммуникативная культура цивилизации все больше рядится в одежды консенсуса – генеральную цель общения [10, с. 112].

Вместе с дискурсивной трансформацией лингвокультурного континуума происходят и кардинальные изменения в языковых картинах мира, сопровождаемые переоценкой концептуальных ценностей. Канули в Лету наши СПАМ, ДОЛГ, КОЛЛЕКТИВИЗМ, ПЕРЕСТРОЙКА, РАЗРЯДКА, немецкие ARBEITEN / BETEN / SPAREN, KINDER / KÜCHE / KIRCHE, японские ПОКОРНОСТЬ и СДЕРЖАННОСТЬ, а им на смену приходят новые концептуальные ценности (ДОСТАТОК, ДЕМОКРАТИЯ, РЫНОК) и антиценности (БОМЖ, ПРИХВАТИЗАЦИЯ, БЕСПРЕДЕЛ, ОТМОРОЗОК) и пр. Концептуальные картины мира характеризуются в разрезе исторической динамики калейдоскопической изменчивостью, а процессы концептуализации сводятся к возведению на пьедестал логосферы одних лингвокультурных ценностей и свержения с него других.

Выводы. Подводя итог, возвратимся к названию статьи. Оно подчеркивает, что современная антропоцентрическая парадигма языкознания, будучи означенной когнитивно-дискурсивным подходом к речемыслительной деятельности, предполагает конвергентное изучение единиц языка и речи. Понимание того, что концептология, изучающая этно-социо-психо-лингво-культурную надстройку естественных языков, не может существовать изолированно от дискурсологии – науки, изучающей этно-социо-психо-лингво-культурную среду человеческого общения. Дискурс немислим вне концептосферы с ее стабильными концептополями и ситуативно меняющимися концептосистемами, а концептосфера, бесперебойно поставляющая лингвокультурный материал, живет потребностями и чаяниями дискурса, обеспечивая его живое функционирование в логосфере.

Перспективными в этом плане направлениями исследований являются: изучение отдельных концептополей; пути и способы концептуального устройства разных лингвокультурных систем на фоне универсальных и этноспецифических языковых категорий; семиозис концептосферы с учетом идио- и социолектных, гендерных, возрастных и других факторов реализации определенных концептуальных конструкторов в речи.

Список литературы

1. Белова А.Д. Языковые картины мира в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 29. – С. 17-23.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков: Пер. с англ. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1999. – 780 с.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ ДИСКУРСА, ИЛИ ДИСКУРСОЛОГИЯ КОНЦЕПТА

3. Данилов К.В. Репрезентация концептов Crime и Punishment в британской и американской юридической терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. /10.02.04. – Саратов, 2004. – 22 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
5. Кошарная С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород: БелГУ, 2002. – 288с.
6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН: СЛЯ. – 1993. – № 1, Т. 52. – С. 3-9.
7. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. – Витебск: Изд-во УО “ВГУ им. П.М. Машерова”, 2004. – 214 с.
8. Никитин М.В. Основание когнитивной семантики. – СПб: Из-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 277 с.
9. Степанов Ю.С. Семиотика концептов // Антология «Семиотика». – М.: Наука, 2001. – С. 603-612.
10. Habermas J. Vorbereitende Bemerkungen zur Theorie der kommunikativen Kompetenz // Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Was leistet die Systemforschung? – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1990. – S. 101-141.
11. Schwarz M. Kognitive Semantiktheorie und neuropsychologische Realität. – Tübingen, Basel: Francke, 1996. – 163 S.

Поступила в редакцию 10.03.2005 г.